

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 35, Is. 1, pp. 105–112, 2018
DOI 10.22162/2075-7794-2018-35-1-105-112
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 39(571.54)+39(510)

The New Barghuts: Formation of the Ethnos in Northeast China Revisited

Bulat R. Zoriktuev¹

¹ Ph.D. in History (Doct. of Historical Sc.), Chief Research Associate, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: enhe_z@mail.ru

Abstract. To reconstruct the true history of Mongolic peoples it is of utmost importance to investigate the process of formation of their peripheral ethnic communities. The article examines the history of formation of the understudied Mongolic ethnos of New Barghuts (Mong. *Shine Barga*) residing in Northeast China (prefecture-level city of Hulunbuir, Inner Mongolia Autonomous Region). Before moving to Hulunbuir, the mentioned group had been a part of the Baikal tribe Khori. In the 13th century, the steppe Mongols referred to the population inhabiting the Baikal region as ‘Bargut’ which was due to the name of the territory — Bargujin Tokum. In the 17th century, the given nickname was most often used to denote the Khori clans who were tributaries and subordinates to Tsetsen Khan. By orders of the Mongolian Khan, they would form ancillary military units within corresponding troops, which would keep them long in Eastern Khalkha. Those were the Manchu people who virtually invaded Mongolia and, following suit of the Mongols, started calling the Transbaikalia Khori — ‘Barghuts’. Having conquered Southern Mongolia, they proceeded with the establishment of a banner system in Khalkha. In Tsetsen Khan Aimag, the Khori people were also included in a banner. Between 1655 and 1670, for contribution to the powerful state and army the Manchu court bestowed upon them an honorable name ‘New’, which became a component of the common name of the New Barghuts. In 1734, the Qing authorities resettled the Khori people to Hulunbuir making them frontier guards. There were to form some eight banners, i.e. one military-administrative unit. It was there where the loss of relations with the former motherland and ultimate separation from their fellow tribesmen of the Baikal Region caused by the 1727 establishment of China-Russia border resulted in the Khori people experienced dramatic transformations of their ethnic identity and name. The mentioned processes predetermined that the name ‘Barghut’ along with the word ‘New’ got an ethnic coloring and from then onward was perceived as an ethnonym, and they started recognizing themselves as a separate, independent ethnos of Shine Barga. In this context, the Khori genealogical myth about Khoridoi Mergen got significantly transformed within the social consciousness of the New Barghuts. The new ethnic identity lead to a radical restructuring of their ethnic composition. The final stage in the process of formation of the New Barghut community took place in the late 19th century.

Keywords: steppe Mongols, Manchu people, nickname ‘Bargut’, ethnos of New Barghuts

На северо-востоке Китайской Народной Республики, в городском округе Хулун-Буир Автономного района Внутренняя Монголия, между р. Аргунь и Большим Хинганским хребтом обитают два монголоязычных этноса: *старые баргуты* (самоназв. — *барга*, числ. — около 10 тыс. чел.) и *новые баргуты* (самоназв. — *шинэ барга*, числ. — около 20 тыс. чел.). Старые баргуты живут в Старобаргутском хошуне (Хуушан Барга хошуун, адм. центр — пос. Баян Хүрээ), новые баргуты — в Новобаргутском Восточном (Шинэ Барга Зүүн хошун, адм. центр — пос. Амгалан) и Новобаргутском Западном хошунах (Шинэ Барга Баруун хошун, адм. центр — пос. Алтан Эмээл).

Хотя в названиях старых и новых баргутов содержится слово *барга*, единого целого до прихода в Хулун-Буир они не составляли. Об этом свидетельствуют разный этнический состав, совершенно не похожие по типологии этногенетические мифы и предания и др. Предками старых баргутов была возглавлявшаяся вождями эльтеберами и иркинами общность байырку, занимавшая видное место в составе тюркского племенного объединения теле [Зориктуев 2016: 64–71]. Новые баргуты прежде были частью племенной группы хори, которая сейчас проживает в Забайкалье, являясь одним из основных этнических подразделений бурятского народа. Этногенез хоринцев прослеживается до сопредельных районов Саяно-Алтая и Северо-Западной Монголии. Вероятно, там некогда существовала единая этнокультурная общность, почитавшая в качестве тотемического первопредка лебедя. После ее распада хоринцы оказались на северном берегу Байкала, откуда постепенно перешли в Забайкалье [Зориктуев 2011: 153–156].

Целью настоящей статьи является раскрытие вопроса об образовании отдельного самостоятельного этноса *новые баргуты*, или *шинэ барга*, в составе этнической структуры монголов на северо-востоке Китая. Для ее достижения важно установить, от кого и когда было получено название *новые баргуты*, выяснить, в какое время и в силу каких обстоятельств данное название превратилось в этноним.

Наименование *новые баргуты* имеет длительную и сложную историю. В XIII в. степные монголы называли все племена Баргуджин-Токума *баргут*. Автор «Сборника летописей» Рашид ад-Дин этот фе-

номен раскрывает так: «Их называют баргутами вследствие того, что их стойбища и жилища [находятся] на той стороне реки Селенги, на самом краю местностей и земель, которые населяли монголы и которые называют Баргуджин-Токум» [Рашид ад-Дин 1952: 121]. В процитированном тексте источника, что крайне важно уяснить, слово *баргут* использовано не как этноним одной племенной общности *баргут* (предков старых баргутов), а как *прозвище* (курсив мой. — Б. З.) всего населения у Байкала, данного ему по наименованию той территории, какую оно занимало, — Баргуджин-Токум. Если семантика этнического названия *баргут*, несомненно полученного от степняков юга — «грубый, некультурный, необразованный, неотесанный» [Монгольско-русско-французский ... 1846: 1108], то значение идентично звучавшего прозвища иное — «жители Баргуджин-Токума», более кратко — «жители Барги».

Понятно, что если монголы прозвище *баргут* прилагали ко всему населению Баргуджин-Токума, то они называли этим словом и отдельные этнические группы региона. Оно чаще всего использовалось по отношению к хоринцам, которые находились в даннической зависимости от Цэцэн-хана и были его подданными [Зориктуев 1997: 79]. В соответствии со своими обязанностями они, выставляя для монгольского хана вспомогательное войско и выполняя его задания, подолгу находились в Восточной Халхе. По материалам Б. О. Долгих, во второй половине XVII в. до 40 % хоринцев обычно пребывало в этой части Монголии. Цифра немалая, если учесть, что, например, в 1687 г. численность всего хоринского населения по обе стороны китайско-русской границы округленно составляла 5 800 чел. [рассчитано по: Долгих 1960: 331, 334]. Поэтому вполне закономерно, что придуманное монголами прозвище *баргут* наиболее прочно прикрепились именно к хоринцам.

К слову сказать, традиция давать северным соседям прозвище *баргут* имела у монголов характер долговременной тенденции и не утратила своего значения и много позже. На рубеже XVI–XVII вв. на западной стороне Байкала в верховьях Ангары и Лены беспрецедентные по глубине, силе и размаху консолидационные процессы привели к сложению племенного объединения, вначале называвшегося *бурат*, а потом *бурэт* [buræ:d].

На базе этого объединения с дальнейшим перекидыванием объединительных тенденций в Забайкалье и возникновением там формы *бурят* (значение всех трех форм — «лесные») в конце XVIII в. образовалась бурятская народность [Зориктуев 2011: 70–79]. Оставаясь верными своему обычаю, степные монголы племенное объединение бурат также нарекли прозвищем *баргут*. Возник сложный термин *баргут-бурат*, который в слегка усеченной форме *баргу-бурат* иногда встречается в ойратских памятниках XVIII – начала XIX вв. [Баатар 2006: 34, 65]. Во всех других источниках, которых к настоящему времени выявлено большое количество, в качестве архетипа общеизвестного ныне имени *бурят* фигурирует слово *бурат*, что говорит о том, что двойного названия *баргут-бурат* никогда не существовало. Следовательно, в ойратских источниках в термине *баргу-бурат* слово *баргу* (*баргут*) однозначно использовано как прозвище, а не как этническое наименование.

То, что в сложном термине *баргу-бурат* слово *баргу* употреблено в значении прозвища, сомнений ни у кого и никогда не вызывало. К примеру, именно так трактовали его известный русский монголовед А. М. Позднеев и не менее известный немецкий географ К. Риттер, высказавший немало интересных и плодотворных мыслей об истории народов Центральной Азии [Риттер 1856]. В частности, касаясь слова *баргу*, А. М. Позднеев заметил, что буряты (так он написал слово *бураты*) подразделяются на две части: забайкальских и северных, т. е. западных. Последние заметно разнятся от тех, которые живут за Байкалом, верованием, образом жизни, обычаями и особенно языком, отличающимся от наречий всех монголов «доходящей до крайних размеров грубостью». «Утверждают, — подчеркивал А. М. Позднеев, — что это наречие и было поводом, почему северобайкальские Буряты получили от своих соплеменников прозвание Баргу-Бурятов, т. е. грубых, неотесанных Бурятов» [Образцы... 1880: 180].

С высоты сегодняшнего дня не все замечания А. М. Позднеева об образе жизни, культуре и языке северных (западных) бурят можно принять, но его главный вывод, что в словосочетании *баргу-бурят* компонент *баргу* является прозвищем, абсолютно верен, потому что он органично един с содержанием приводившегося выше сообще-

ния Рашид ад-Дина о том, почему степные монголы население Баргуджин-Токума называют *баргут*. Этого нельзя сказать о мнении отдельных современных исследователей, полагающих, что в данном отрывке из «Сборника летописей» слово *баргут* является названием племенного союза, якобы существовавшего в XIII в. по обе стороны Байкала и возглавлявшегося баргутами [Нимаев 1993: 47; Коновалов 2016: 7]. Оно безосновательно, так как в указанное время племена Баргуджин-Токума находились в составе централизованного монгольского государства, и потому никаких объективных предпосылок для объединения их в союз, к тому же на обоих берегах Байкала, не могло возникнуть. Неслучайно в источниках каких-либо свидетельств, подтверждающих данную точку зрения, отыскать невозможно.

От всех известных к настоящему времени публикаций выгодно отличается работа современного монгольского исследователя Б. Нацагдоржа, в которой на основе неизвестных ранее документов из Национального архива Монголии с совершенно новых позиций исследована история Восточной Халхи во второй половине XVIII в. Говоря о новых баргутах, автор справедливо заметил, что это была хоринская группа, поразному называвшаяся по обе стороны государственной границы [Нацагдорж 2011: 101–117].

Наблюдения показывают, что если прозвища через определенное время не становились самоназваниями обозначавшихся ими этносов, то они, как правило, постепенно выходили из употребления и исчезали. Такая участь постигла прозвание *бурут*, данное китайцами кыргызам Тянь-Шаня, прозвище *калмак*, употреблявшееся западносибирскими татарами по отношению к алтайцам, слово *луча*, обозначавшее у тунгусов русских и т. д. [Бравина 2015: 8]. Такое же будущее ожидало прозвище *баргут* в паре со словом *бурат*. Постепенный выход из лексикона монголов слова *баргут* как прозвища их северных соседей начался, надо полагать, в первой половине XVIII в., когда на всей территории по обе стороны Байкала установилось имя *бурэт*. Окончательно оно отпало из данного термина вместе с канувшим в Лету топонимом Баргуджин-Токум. Это произошло в конце XVIII в., когда в основе нового названия региона — *Буряад* или *Буряад орон* (т. е.

Бурятия) — закрепилось наименование образовавшейся бурятской народности.

В XVII в., вслед за монголами, баргутами стали называть забайкальских хоринцев развязавшие ярко выраженную захватническую политику в отношении Монголии маньчжуры. Это видно из документа Лифаньюаня от 1646 г., в котором упоминается сражение между вторгшимся в Халху маньчжурским войском во главе с военачальником Додо и объединенным войском Тушету и Цэцэн-хана. В составе войска последнего были хоринцы, названные в маньчжурском документе *баргутами* [Buyandelger 2002: 30]. Сражение, как считает И. С. Ермаченко, состоялось в Центральной Халхе, в урочище Чжацзи-булак западнее р. Толы [Ермаченко 1974: 80].

То, что монголы и маньчжуры прозывали хоринцев *баргутами*, не проходило бесследно для последних. Это нашло отражение в русских источниках середины XVII в., в которых хоринцы изредка проходят под именем *баргут* [Долгих 1960: 327]. Можно предположить, что так называла себя некоторая часть молодых хоринцев, у которых после частого пребывания в Восточной Халхе происходили подвижки в сторону смены этнического самосознания. Не исключено, что отдельные потомки этих хоринцев именовали себя баргутами до начала XX в., если это, конечно, не было с их стороны неудачной шуткой. Но тем не менее сохранились сведения, что в 1929 г. группа хоринского населения Гучитской волости (современный Мухоршибирский район Республики Бурятия. — Б. З.) называла себя *баргутами* [Румянцев 1962: 236]. В целом же отдельные подобные проявления не повлияли на общую картину. Хоринцы в многочисленных русских источниках второй половины XVII — начала XVIII вв., несмотря на частые передвижения в обе стороны, вызывавшиеся, главным образом, необходимостью выполнения даннических обязанностей перед Цэцэн-ханом, постоянно упоминаются под своим племенным именем *хори*.

После завоевания Южной Монголии в 1655 г. маньчжуры приступили к созданию знаменной системы в Халхе. Одно знамя в числе восьми первых было создано в Цэцэн-ханском аймаке. В состав знамени были включены хоринцы, которые через некоторое время в качестве поощрения за вклад в укрепление Маньчжурского государства и его армии получили от маньчжуров почет-

ное название *новые*. Конкретных данных о времени его получения нет. Известно лишь то, что в 1670 г. хоринцы уже назывались *новыми баргутами*. Это установила русская дипломатическая миссия, которая в 1670 г. во главе с казачьим десятником И. Миловановым ездил из Нерчинска в Пекин. Путь миссии пролегал через Маньчжурию. За Аргунью, на китайской стороне, И. Миловановым была сделана такая запись: «А от Аргуни реки до Гана реки ехать Мугальского царя Чеченка (т. е. Цэцэн-хана. — Б. З.) новыми людьми Баргуты два днища... От Гана до Кайлару же реки ехали три днища... А меж теми Ганом и Кайларом реками кочуют те ж (новые. — Б. З.) Баргуты» [Путешествие 1882: 157].

Получение хоринцами между 1655 и 1670 гг. в Восточной Халхе наименования *новые* поменяло их социальный статус: они из даннически зависимых людей Цэцэн-хана превратились в бойцов регулярной армии, подчинявшихся маньчжурскому императору. Кроме того, точное установление временного диапазона, в границах которого возникло название *новые баргуты*, говорит об ошибочности широко распространенного мнения, что оно возникло в 1734 г. в Хулун-Буире, а в его основу положен факт более позднего прибытия новобаргутской группы в данный район по сравнению со старобаргутской [Tubšinnima 1985: 92; Очир, Гэрэлбадрах 2003: 361].

К 30-м гг. XVIII в. в источниках начинают появляться отдельные сведения об этническом составе новых баргутов. В русских архивных документах в составе находившихся на востоке Халхи хоринцев наиболее часто упоминаются роды *худай*, *халбин*, *галзут*, *хубдуг* и *хоацай* [Долгих 1960: 330]. Уже по этим названиям можно предположить, что новые баргуты были пришедшими из района Байкала хоринцами.

Сказанное убедительно подтверждает знакомство с полным списком новобаргутских родов. В перечне, опубликованном исследователем Хулун-Буира, краеведом Цо. Дугаржабом, значатся все 11 основных хоринских родов: *галзут*, *шарайт*, *гучит*, *хуасай*, *хубдуг*, *харгана*, *худай*, *халбин*, *бодогут*, *батнай*, *цаганут* [Duγarjab 2014: 120–134].

По материалам Б. О. Долгих, в 1730–1732 гг. всего было около 13,7 тыс. хоринцев, из которых 63 % были подданными Российской империи, а 37 % — подданны-

ми Китая [Долгих 1960: 332]. Оставшиеся на китайской стороне хоринцы были непосредственными предками нынешних новых баргутов Хулун-Буира. Думается, в этом населении был представлен весь спектр этнического состава хоринцев как в виде основных родовых подразделений, так и их боковых ответвлений — *кукуров*. Едва ли ко времени своей отправки в 1734 г. из Цэцэн-ханского аймака на постоянное место службы в Хулун-Буир новые баргуты могли состоять всего из пяти родов. Здесь сказало отсутствие в полном объеме нужного материала у Б. О. Долгих, хотя он и оговаривался, что в русских архивных документах немногочисленность упоминаемых в них хоринских родов обусловлена тем, что полный их список стал известен лишь к 1732 г. [Долгих 1960: 331]. Поправляя Б. О. Долгих, можно сказать, что остальные шесть хоринских родов не могли прийти из России позже и примкнуть в Хулун-Буире к упоминавшимся пяти родам, потому что в 1727 г. вольным, как прежде, передвижениям в обе стороны от границы был положен конец. Поэтому полные списки хоринских родов в труде Цо. Дугаржаба являются несомненным подтверждением и доказательством того, что новые баргуты изначально были частью баргуджин-токумовских хоринцев и в их составе ко времени исхода в Хулун-Буир находились все 11 основных родов.

Констатируя существование одинаковых этнических компонентов в составе хоринцев и новых баргутов, Б. О. Долгих писал, что в XVII в. большие хоринские роды могли состоять из нескольких *улусов*, кочевавших раздельно и возглавляемых отдельными *шуленгами*. Наличие отдельных одинаковых родовых названий у хоринцев в пределах России и у хоринцев, ушедших в Баргу (Кулунбуир), подтверждают эту точку зрения [Долгих 1960: 332].

Соглашаясь с данной точкой зрения, можно в то же время предположить, что до закрытия в 1727 г. государственной границы, когда существовала возможность свободного перехода с одной территории на другую, могла иметь место некая «квота», спускавшаяся Цэцэн-ханом предводителю зависимого от него хоринского племени. Тот, получив «квоту», распределял ее между всеми родами с учетом численности каждого из них. Вероятно, только так можно объяснить полное представительство

хоринцев в хулун-буирских знаменных войсках под названием *новые баргуты*.

В 1734 г. с целью пополнения и усиления войск на китайско-русской границе новые баргуты из Цэцэн-ханского аймака были направлены в Хулун-Буир. Из них было сформировано восемь знамен, составивших одну военно-административную единицу и в военном отношении равных одному корпусу. Они подразделялись на правое и левое крыло и несли службу на 12 внешних караулах [Tubšinnima 1985: 93, 97; Öljei 2013: 129].

Каждое знамя по цвету боевого штандарта имело свое название: сплошное желтое (гүл шар), сплошное красное (гүл улаан), сплошное белое (гүл цагаан), сплошное синее (гүл хөх), красное с каймой (хөвөөт улаан), синее с каймой (хөвөөт хөх), белое с каймой (хөвөөт цагаан), желтое с каймой (хөвөөт шар) [Боржимский 1915: 16–17].

На дальнейшую историю хоринцев огромное влияние оказали те процессы, которые получили развитие после установления в 1727 г. государственной границы между Китаем и Россией. Прежде всего граница закрыла хоринцам доступ в Россию, что означало для них полную утрату связей с прежней родиной у Байкала. В результате долгое проживание в условиях тотальной зависимости от маньчжуров, плотное иноэтническое окружение, полный и окончательный отрыв от материнского этноса и, как следствие всего этого, резкое сокращение и нивелирование основных этнических признаков привели к тому, что в Хулун-Буире у хоринцев произошла коренная смена этнического самосознания и самоназвания. Данный процесс предопределил то, что прозвище *баргут* со словом *новые* приобрело у них этническую окраску и стало пониматься как этноним, а себя они стали осознавать отдельным самостоятельным этносом, называющимся *шинэ барга*. В этом плане очень показателен подвергшийся перестройке в общественном сознании новых баргутов хоринский генеалогический миф о Хоридой-мэргэне. Теперь в подкорректированной версии мифа, уже отражающей новые взгляды его носителей на свое место в мире, на берегу озера охотится не Хоридой-мэргэн, а Барга-батор. Он женится на девушке-лебеди, и появившиеся от этого брака три сына становятся основателями новобаргутских родов [ПМА: Цо. Дугаржаб; Очир].

Осознание себя новым этносом привело также к тому, что новыми баргутами была

проведена коренная реструктуризация своего этнического состава. В итоге бывшие хоринские внутриродовые ветви *кукуры*, представляющие собой разные по времени образования патронимические группы, ведущие свое происхождение от реально живших предков, были возведены в статус полноценных родов. Поэтому в настоящее время в этническом составе новых баргутов насчитывается около семи десятков родовых групп: *даарьтан, баатууд, хуйцлэг, хурлаад, өзөөн, сартуул, хагшууд, батнай, хүтгээд, харзал, сахираад, тавнангууд, халбин, зайлхан, енишөөбүү, жорон, улиад, хорчууд, цаганууд, их зон, жооргон, шарнууд, урианхан, болойнзон, эмгэнүүд, манхилиг, хонтон, хуасай, абхан, сээрчин, эрээгэн, сээжингүүд, юнжигөбүүд, хөвдүүд, хуалан, хатигин, сээхэр, сүүжин, мөөөлөн, чонод, далангууд, чочолиг, эзэд, хөх хайтал, одонгууд, харгана, худай, боргил, цоохор, чибчин, бажиндар, галзууд, оримос цагаадай, хобхир цагаадай, шарайд, төмөрчин, алагуй, харангууд, хөхнүүд, халхин, хашинууд, гучид, цагаан ураг, цагаан өргөө, бодонгууд, тонгойд, номчин, хангин, авгачууд, хатагтай, цахар* [ПМА: Бодонгут Абида].

Завершение процесса перемены этнической принадлежности относится к концу XIX в. В это время в этнической культуре новых баргутов исчезли последние элементы, которые связывали ее с предыдущей хоринской [ПМА: Я. Шарийбуу; Ж. Өлзий; Ц. Пүрэв; Ц. Норжин]. Сейчас новые баргуты называют себя *шинэ барга* и утверждают, что не имеют ничего общего с живущей около Байкала бурятской племенной общностью хори [ПМА: Хуасай Дугаржаб; Пүрэв]. В связи со вышесказанным надо заметить, что иногда встречающееся в бурятоведческой литературе мнение, что новых баргутов следует рассматривать как часть бурятского народа, конечно же, неверно [Нимаев 1993: 79, 85, 86].

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

- ПМА — Полевые материалы автора [*Polevyye materialy avtora* [Author's field data]].
- Бодонгут Абида, 1915 г. р., г. Хайлар. Запись сделана в 1998 г. [Bodongut Abida, born 1915, Hailar District. A recording of 1998].
- Дугаржаб Цо., 1945 г. р., пос. Амгалан. Записи сделаны в 2003 и 2015 гг. [Dugarzhab Tso., b. 1945, Amugulang (New Barag Left Banner). Recordings of 2003 and 2015].
- Дугаржаб Хуасай, 1910 г. р., г. Хайлар. Записи

сделаны в 1998 и 1999 гг. [Dugarzhab Khuasay, b. 1910, Hailar District. Recordings of 1998 and 1999].

- Норжин Ц., 1933 г. р., г. Хайлар. Запись сделана в 1998 г. [Norzhin Ts., b. 1933, Hailar District. A recording of 1998].
- Очир, 1943 г. р., пос. Амгалан. Записи сделаны в 2003 и 2015 гг. [Ochir, b. 1943, Amugulang (New Barag Left Banner). Recordings of 2003 and 2015].
- Өлзий Ж., 1918 г. р., г. Улан-Батор. Записи сделаны в 1985 и 1999 гг. [Ölziy Zh., b. 1918, Ulaanbaatar. Recordings of 1985 and 1999].
- Пүрэв Ц., 1927 г.р., г. Хайлар. Записи сделаны в 1998 и 1999 гг. [Pürev Ts., b. 1927, Hailar District. Recordings of 1998 and 1999].
- Шарийбуу Я., 1910 г. р., г. Улан-Батор. Запись сделана в 1985 г. [Shariybuu Ya., b. 1910, Ulaanbaatar. A recording of 1985].

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Боржимский 1915 — *Боржимский Ф.* Краткое историко-географическое и статистическое описание Хулунбуирской области // Изв. Вост.-Сиб. отдела имп. Русского геогр. о-ва. Иркутск: Тип. Т-ва Печатного дела, 1915. Т. XLIV. С.1–38. [Borzhimskiy F. Hulunbuir Region: a brief historical, geographic and statistical description. *Izv. Vost.-Sib. otdela imp. Russkogo geogr. o-va.* Irkutsk: Publ. Partnership, 1915. Vol. XLIV. Pp. 1–38].
- Бравина 2015 — *Бравина Р. И.* Приамурье и Приморский край в легендах и преданиях якутов // Мат-лы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию Победы в Вел. Отеч. войне. Хабаровск, 2015. Т. III. С. 67–73. [Bravina R. I. Priamurye and Primorsky Krai in legends and tales of the Yakut people. *Mat-ly mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyasch. 70-letiyu Pobedy v Vel. Otech. voyne.* Khabarovsk, 2015. Vol. III. Pp. 67–73].
- Долгих 1960 — *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 621 с. [Dolgikh B. O. *Rodovoy i plemennoy sostav narodov Sibiri v XVII v.* [Peoples of Siberia: clan and tribal structure]. Moscow: USSR Acad. of Sc., 1960. 621 p.].
- Ермаченко 1974 — *Ермаченко И. С.* Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в. М.: Наука; Гл. ред. вост. лит-ры, 1974. 192 с. [Ermachenko I. S. *Politika man'chzhurskoy dinastii Tsin v Yuzhnoy i Severnoy Mongolii v XVII v.* [Policies of the Manchu Qing Dynasty in Southern and Northern Mongolia]. Moscow: Nauka; Vostochnaya Literatura, 1974. 192 p.].

- Зориктуев 2011 — Зориктуев Б. Р. Актуальные проблемы этнической истории монголов и бурят. М.: Вост. лит. РАН. 2011. 278 с. [Zoriktuев B. R. *Aktual'nye problemy etnicheskoй istorii mongolov i buryat* [Ethnic history of Mongols and Buryats: topical issues]. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2011. 278 p.].
- Зориктуев 2016 — Зориктуев Б. Р. К вопросу об этнической принадлежности общности байырку // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 3. С. 64–71. [Zoriktuев B. R. The ethnicity of the Bayirqu population revisited. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*. 2016. No. 3. Pp. 64–71].
- Зориктуев 1997 — Зориктуев Б. Р. Прибайкалье в середине VI – начале XVII века. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. 103 с. [Zoriktuев B. R. *Pribaykal'e v seredine VI – nachale XVII veka* [The Baikal Region from the mid-6th to the early 17th cc.]. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of SB of RAS, 1997. 103 p.].
- Коновалов 2016 — Коновалов П. Б. Баргуджин-Тукум и этническая генеалогия бурят // Баргуты: история и современность. Сб. науч. статей. Иркутск: Оттиск, 2016. С. 3–15. [Konovalov P. B. Bargujin Tukum and the ethnic genealogy of Buryats. *Barguty: istoriya i sovremennost'*. Sb. nauch. statey. Irkutsk: Ottisk, 2016. Pp. 3–15].
- Монгольско-русско-французский 1846 — Монгольско-русско-французский словарь, составленный проф. О. Ковалевским. Т. 2. Казань: Унив. тип., 1846. 595–1545 с. [Mongol'sko-russko-frantsuzskiy slovar' [Mongolian-Russian-French dictionary]. Prof. O. Kovalevsky (comp.). Vol. 2. Kazan: Kazan Imperial Univ., 1846. 595–1545 p.].
- Нимаев 1993 — Нимаев Д. Д. О средневековых хори и баргутах // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука. 1993. С. 144–166. [Nimaev D. D. Medieval populations of the Khor and Barghuts. *Etnicheskaya istoriya narodov Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii*. Novosibirsk: Nauka, 1993. Pp. 144–166].
- Образцы... 1880 — Образцы народной литературы монгольских племен. Вып. 1. Народные песни монголов. Собраны и изданы А. Позднеевым. СПб.: Тип. Импер. Акад. наук, 1880. 346 с. [Obraztsy narodnoy literatury mongol'skikh plemen [Mongolic tribes: samples of folk literature]. Iss. 1. Mongolian folk songs. A. Pozdneev (coll. and publ.). St. Petersburg: Imperial Acad. of Sc., 1880. 346 p.].
- Путешествие... 1882 — Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. Дорожный дневник Спафария с введ. и прим. Ю. В. Арсеньева. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1882. 214 с. [Puteshestvie cherez Sibir' ot Tobol'ska do Nerchinska i granits Kitaya russkogo poslannika Nikolaya Spafariya v 1675 g. Dorozhnyy dnevnik Spafariya s vved. i prim. Yu. V. Arsen'eva [A journey across Siberia — from Tobolsk to China's frontiers — undertaken by the Russian Ambassador Nikolai Spafary in 1675. Spafary's notes of the journey. Foreword and comments by Yu. Arseniev]. St. Petersburg: V. Kirshbaum, 1882. 214 p.].
- Рашид-ад-Дин 1952 — Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 221 с. [Rashid-al-Din. Compendium of Chronicles. Vol. 1. Book 1. Moscow; Leningrad: USSR Acad. of Sc., 1952. 221 p.].
- Риттер 1856 — Риттер, Карл. Землеведение в отношении к природе и истории человечества. Т.1. Общее введение и восточная окраина Азии. СПб.: Тип. Импер. Академии наук. 1856. 736 с. [Ritter, Carl. *Zemlevedenie v otnoshenii k prirode i istorii chelovechestva. T.1. Obschee vvedenie i vostochnaya okraina Azii* [Geography in its relation human history. Vol. 1. General introduction and easternmost Asia]. St. Petersburg: Imperial Acad. of Sc. Press, 1856. 736 p.].
- Румянцев 1962 — Румянцев Г. Н. Происхождение хоринских бурят. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1962. 265 с. [Rumyantsev G. N. *Proiskhozhdenie khorinskikh buryat* [Origins of the Khor Buryats]. Ulan-Ude: Buryat Book Publ., 1962. 265 p.].
- Баатар 2006 — Баатар Увш туурвисан «Дөрвөн ойрадын түүх оршив» / Тайлбар бичсэн Б. Түвшинтөгс, Н. Сүхбаатар. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2006. 165 х. [«Dörvön ойрадын түүх оршив» [History of the Four Oirats]. U. Baatar (comp.), B. Tüvshintögs, N. Sükhbaatar (comment.). Ulaanbaatar: Soembo Printing, 2006. 165 p.].
- Buyandelger 2002 — Buyandelger Jiyačidai. Qalq-a baryu-yin egüsül irel // Mongyol arkivs. Kökeqota: Öbür Mongyol-un soyol-un keblel-ün qoriy-a, 2002. 1–38 t. [Buyandelger Jiyačidai. Origins of the Khalkha Barguts. *Mongyol arkivs*. Hohhot: Inner Mongolia Culture Publ., 2002. Pp. 1–38].
- Дуярjab 2014 — Дуярjab Чо. Baryu obuy-un irel egüsel. Tongliao: Öbür Mongyul-un soyul-un keblel-ün qoriy-a, 2014. [Duyarjab Чо. Origins

- of the Barga people. Tongliao: Inner Mongolia Culture Publ., 2014].
- Нацагдорж 2011 — *Нацагдорж Б. Шинэ баргын орост босч очсон тухай өгүүлэх нь* // «Баргын түүх, соёлын судалгаа». Олон улсын эрдэм шинжилгээний бага хурал. Улаанбаатар: Тоонотпринт ХХК, 2011. Х. 101–116. [Natsagdorzh B. *Shine bargyn orost bosch ochson tukhay өгүүлэх n'* [The New Barghuts: the exodus to Russia revisited]. «*Bargyn түүх, соёлын судалгаа*». *Olon ulsyn erdem шинжилгэний бага хурал*. Ulaanbaatar: Toonotprint Ltd., 2011. Pp. 101–116].
- Очир, Гэрэлбадрах 2003 — *Очир А., Гэрэлбадрах Ж. Халхын Засагт хан аймгийн түүх*. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг ХХК, 2003. 462 т. [Ochir A., Gerelbadrakh Zh. *Khalkhyn Zasagt khan aymgiyn түүх* [History of the Zasaghtu Khan's Aimag]. Ulaanbaatar: Soembo Printing, 2003. 462 p.].
- Öljei 2013 — Öljei J. *Baryu Mongyul-un teüke*. Tongliao: Öbür Mongyul-un soyul-un keblel-ün qoriy-a, 2013. 415 t. [Öljei J. *History of Barga Mongols*. Tongliao: Inner Mongolia Culture Publ., 2013. 415 p.].
- Tubšinnima 1985 — Tubšinnima Galjud. *Baryučud-un teüken irelte*. Kökeqota: Öbür Mongyol-un soyol-un keblel-ün qoriy-a, 1985. 152 t. [Tubšinnima Galjud. *History of the Barghuts*. Hohhot: Inner Mongolia Culture Publ., 1985. 152 p.].

УДК 39(571.54)+39(510)

Об образовании этноса *новые баргуты* на северо-востоке Китая

Булат Раднаевич Зориктуев¹

¹ доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Российская Федерация). E-mail: enhe_z@mail.ru

Аннотация. Для воссоздания подлинной картины истории монгольских народов важно исследование процесса сложения периферийных этнических общностей, имеющих в их составе. В статье излагаются некоторые результаты изучения истории живущего на северо-востоке Китая (городской округ Хулун-Буир) малоизвестного науке монгольязычного этноса *новые баргуты* (*шинэ барга*). Данная группа до прихода в Хулун-Буир была частью байкальского племени хори. В XIII в. степные монголы прозывали население у Байкала, включая хоринцев, словом *баргут*, данным ему по названию территории обитания — Баргуджин-Токум. Материалы говорят о том, что прозвище *баргут* вызвало появление к жизни другого названия *новые баргуты*, которое было дано маньчжурами хоринцам между 1655 и 1670 гг. после зачисления их в Восточной Халхе в знаменное войско. В 1734 г. цинские власти переселили хоринцев в Хулун-Буир для несения пограничной службы. Здесь в результате окончательного отрыва хоринцев от материнского этноса и произошедшей у них смены этнического самосознания сложилась новая общность в этнической структуре монголов Китая, называемая *новые баргуты* — *шинэ барга*.

Ключевые слова: степные монголы, маньчжуры, прозвище *баргут*, этнос *новые баргуты*